

А. Л. Гуринская

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В ЗАРУБЕЖНОЙ КРИМИНОЛОГИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА УГОЛОВНУЮ ПОЛИТИКУ

Разочарование криминологов и политиков в существующих к 70-м годам XX века теоретических подходах к противодействию преступности в связи с их неспособностью оказать существенное влияние на ее уровень привело к развитию в криминологии новых направлений, которые можно объединить под названиями теория рационального выбора, или неоклассическое направление в криминологии. Истоки данного направления лежат в идеях классической школы криминологии, а также экономического анализа права и преступности. Неоклассическое направление, рассматривающее преступление как результат реализации возможности совершить преступление рациональным индивидом, стремящимся к максимальной полезности своего поведения, оказало серьезное влияние на криминологическую теорию и практику уголовной политики. В статье анализируются основные теоретические положения данного направления и причины его влиятельности.

Ключевые слова: преступность, криминология, рациональный выбор, уголовная политика, превенция

A. L. Gurinskaya

DEVELOPMENT OF THE RATIONAL CHOICE THEORY IN FOREIGN CRIMINOLOGY AND ITS IMPACT ON CRIME CONTROL POLICY

By the 1970ies criminologists and politicians were highly disappointed with the existing theoretical approaches to crime control since these approaches turned out to be incapable of influencing the crime rates. Therefore new approaches emerged in criminology that became known as rational choice theory or neoclassicism. They found theoretical grounds in the ideas of the classical school of criminology and economic analysis of law and crime. Neoclassicism views crime as a result of use of opportunity to commit crime by an individual who is rational and is aimed at maximizing the utility of his own behavior. This approach became very influential both for the criminological theory and crime control policy. The article analyses the main theoretical ideas of this approach and the reasons why it became so influential.

Keywords: crime, criminology, rational choice, crime control policy, prevention.

Отечественная криминология давно обращается к вопросу о том, какую роль в совершении преступления играет конкретная жизненная ситуация. Исследование данной

проблемы важно для выявления причин и условий индивидуального преступного поведения и организации профилактики преступлений. Вместе с тем достижения зарубежной криминологии в данной области, а именно теоретические и практические идеи теории рационального выбора, одного из наиболее влиятельных научных направлений последних десятилетий, остаются практически не изученными и не оказывают влияния на отечественную криминологическую науку. Целью настоящей работы является выявление теоретических предпосылок развития теории рационального выбора в криминологии, описание ее основных направлений и особенностей, а также оценка ее влияния на практику противодействия преступности за рубежом и уголовную политику.

В криминологическую науку теория рационального выбора проникает значительно позже, чем в другие социальные науки, – в 70-е годы XX века. Изначально теория рационального выбора, предпосылками которой явились шотландская философия нравственности Хатчинсона, Юма, Фергюсона и Смита, утилитаризм Бентама и неоклассическая теория Маршалла [7], строится на следующих основаниях:

- методологического индивидуализма, то есть идеи о том, что исследование должно быть сфокусировано на индивидуе, а не на обществе и его структурах;
- рациональности индивидов, то есть стремлении при любых обстоятельствах максимизировать свою выгоду;
- оптимальности выбора, то есть стремлении выбирать такие действия, которые приносят наибольшую пользу;
- обмена деятельностью, то есть осуществлении выбора в институциональных условиях [4, с. 8-11].

Теория рационального выбора в криминологии основные идеи черпает из классической школы криминологии Ч. Беккариа и И. Бентама, а также экономического анализа преступности, однако при этом она об-

ладает своей спецификой. Интерес к этому направлению в криминологии был вызван разочарованием ученых и практических работников в тех теориях, которые видели корни преступного поведения в экономическом неблагополучии, в неравенстве возможностей и иных факторах, связанных с социальной средой. Существовавшие на тот момент в криминологии теории были сосредоточены на решении вопроса о том, каким образом индивид приобретает склонность к преступному поведению – причем эта проблема волновала как представителей традиционной позитивистской криминологии, так и их оппонентов – представителей критического направления (интеракционистов, приверженцев теории клеймения). Разница заключалась лишь в том, что позитивисты пытались обнаружить истоки преступности в биологических или в социальных факторах, связанных с формированием личности, а их критики – в реакции индивида на стремление государства, общества и их агентов определенным образом контролировать его поведение. Те пути решения проблемы контроля над преступностью, которые предлагались приверженцами этих идей, выглядели нереалистичными, не приводили к снижению уровня преступности и социальной напряженности, а теория рационального выбора предлагала совершенно иной взгляд на генезис преступного поведения и, соответственно, на способы предупреждения преступности. Эти предложения не только относительно легко могли быть воплощены на практике, но и могли дать сравнительно быстрый эффект. Особую популярность теория рационального выбора набирает к середине 90-х годов, когда выходит наибольшее число работ, посвященных различным аспектам этого направления. К XXI веку число публикаций, посвященных развитию теоретических положений теории рационального выбора снижается [27, с. 4], однако именно в этот период оно получает наибольшее развитие в практике контроля над преступностью.

Следует отметить, что под общим наименованием «теория рационального выбора» скрывается целый ряд направлений, имеющих единые корни и объединенных одинаковыми предпосылками: собственно теория рационального выбора, теория стандартных действий, ситуационное предупреждение преступлений, теория превенции (или сдерживания) и некоторые другие. В настоящей работе мы рассмотрим все эти теории, за исключением теории сдерживания, поскольку с ней отечественные ученые должны быть знакомы в большей степени, чем с другими, поскольку ее основные положения были переведены на русский язык и опубликованы [2, с. 448–454]. В работах по теоретической криминологии эти направления зачастую объединены под шапкой неоклассических или постклассических теорий [20], что является вполне обоснованным вследствие того, что теоретическими предпосылками их развития послужили положения классической школы криминологии, изложенные в работах Ч. Беккариа и И. Бентама.

В своем труде «О преступлениях и наказаниях» [1] итальянский философ и ученый Ч. Беккариа утверждал, что индивиды рождаются свободными и равными, от рождения они наделены правами, включая право частной собственности. Каждый человек является существом рациональным, то есть обладает способностью рассуждать и выбирать то поведение, которое наилучшим образом служит его интересам. В связи с этим наказание за совершенное преступление должно быть не жестоким, а строго соразмерным совершенному преступлению и неотвратимым. При этом санкции не могут быть произвольными, они должны быть четко регламентированы законодателем, а судебское усмотрение при назначении наказаний должно исключаться. Только такое наказание будет служить цели превенции, поскольку рациональный индивид воздержится от нарушения закона лишь в том случае, если он четко осведомлен о неиз-

бежных последствиях своего поведения и убежден в том, что они не будут представлять для него выгоду. При этом Ч. Беккариа полагал, что наказание должно оказывать эффект индивидуальной, а не общей превенции; оно не должно устрашать общество, а должно демонстрировать индивиду невыгодность совершения преступления.

Английский юрист и мыслитель И. Бентам, родоначальник теории утилитаризма, известен криминологам не только благодаря своей знаменитой идее о создании идеальной тюрьмы – Паноптикума. Он также дополнил идеи Ч. Беккариа о преступлениях и наказаниях соображениями о том, что в основе поведения каждого индивида лежит стремление к получению удовольствия и к снижению количества страданий (не только физических, но и связанных с политической, религиозной, моральной сферами жизни). Целью законов, с точки зрения И. Бентама, является повышение уровня всеобщего счастья с помощью снижения уровня антиобщественного поведения. При этом сами по себе наказания являются злом и страданием, поэтому их использование оправдано лишь для предотвращения еще большего зла в том случае, если они перевешивают ту выгоду, которую преступник извлекает из своего преступления, а также заставляют его подчиниться закону. И. Бентам утверждал, что наказания должны быть определены таким образом, что преступник, размышляющий о потенциальном преступлении, решил бы совершить менее опасное преступление или вообще воздержался бы от его совершения. Для этого закон должен содержать разнообразные наказания – от штрафа до тюремного заключения, варьирующиеся в зависимости от совершенного преступления.

Идеи классической школы криминологии в конце XVIII – начале XIX века были воплощены в уголовном законодательстве многих государств, хотя и подвергались в последующем определенной критике и модификации. В частности, судьи были наде-

лены куда большей дискрецией при назначении наказания, чем предполагали Ч. Беккариа и И. Бентам, а само наказание было дифференцировано не только в зависимости от тяжести преступления, но и в зависимости от личности нарушителя закона. Кроме того, их идеи о том, что человек рационален, стремится к удовольствию и подсчитывает выгоду от своего поведения, были положены в основу уголовной политики.

В дальнейшем интересы криминологов и внимательно следящих за результатами их исследований политиков довольно быстро сместились с изучения собственно самого преступления как результата свободного выбора индивидов, наделенных свободой воли, к изучению преступника и тех факторов, которые толкают его на совершение преступления. На вооружение криминологов были поставлены новейшие достижения как в области естественных, так и в области социальных наук. Однако существенное увеличение числа научных объяснений причин преступности не привело к ее снижению, а уголовная политика ко второй половине XX века была как никогда далека от благородных идеалов, провозглашенных представителями классического направления. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что размер и тяжесть назначаемого наказания, как и в «доклассическую» эпоху, стали практически полностью зависимы от судейского усмотрения. Судьи нередко отступали от принципов равенства и справедливости, стремясь к максимальной индивидуализации наказания. К этому их призывали криминологи, убежденные в том, что поскольку каждого индивида привели к совершению преступления его уникальные жизненные обстоятельства, то и наказание каждому из преступников должно назначаться индивидуально и должно зависеть не от тяжести совершенного им преступления, а от его «потребности» в реабилитации [20, с. 72–73].

Другой проблемой большинства криминологических теорий было то, что их идеи

довольно сложно было воплотить в практике контроля над преступностью. Криминологи обнаруживали связь между преступностью и множеством различных биологических, психологических и социальных явлений – таких, как плохое воспитание, насилие в родительской семье, генетические отклонения, безработица, отсутствие возможностей для вертикальной социальной мобильности, бедность, низкий уровень образования и т. д. Но эти открытия ничего не давали для повседневной практики противодействия преступности, не позволяли разработать программы профилактики, которые дали бы быстрый и эффективный результат. К тому же, как правило, ни один из факторов, оказывающих влияние на формирование преступных наклонностей, не действовал сам по себе, действие одних факторов было опосредовано другими. Криминологам и правоохранительным органам необходимо было понять, какие комбинации факторов приводят к росту преступности, какие нуждаются в первоочередном внимании. Но даже это знание не всегда могло помочь в деле противодействия преступности. Снижение уровня безработицы, увеличение благосостояния граждан, повышение уровня образования, создание системы ранней диагностики опасных психических заболеваний – задачи, решение которых требует долгих лет и серьезных финансовых вложений, а преступность тем временем продолжает расти и требует постоянного внимания.

Вследствие описанных выше обстоятельств, к 60–70-м годам XX века общество было разочаровано как в идеологических и научных основах уголовной политики, так и в методах ее реализации, что и послужило толчком для развития неоклассических теорий и приобретения ими популярности.

Другое направление, повлиявшее на развитие неоклассицизма в криминологии, – экономический анализ права и преступности [10], начало которому было положено

работами Г. Беккера [8]. Оно хорошо исследовано отечественными специалистами [3], в связи с чем мы не будем подробно останавливаться на его основных положениях, а лишь укажем, что, развиваясь параллельно с неоклассическими криминологическими теориями преимущественно благодаря усилиям экономистов, а не криминологов, этот раздел науки использовал методологические подходы, традиционные для экономики, в связи с чем до сих пор его вклад в объяснение причин преступного поведения не в полной мере оценен криминологами, а ссылки на труды его представителей редко встречаются в учебниках по криминологической теории.

Теория рационального выбора, ставшая наиболее солидной из всех неоклассических криминологических теорий, сконцентрированных на изучении преступления, а не преступника [9, с. 568], основывается на той предпосылке, что индивид, выбирающий преступное поведение, стремится извлечь максимальную выгоду из своих действий. Решения индивида зависят от той ситуации, в которой он находится, – от места, времени, наличия возможности совершить преступление и наличия информации. Наиболее известной работой, содержащей основные теоретические положения данного направления, является книга Р. Кларка и Д. Корниша «Размышляющий преступник», опубликованная в 1986 г. В ней авторы разрабатывают идею о том, что преступление является результатом не одного единственного решения совершить антиобщественное действие, а целой серии таких решений, на принятие которых влияет множество социальных и психологических факторов. Основной задачей исследователя является изучение того, почему определенные люди принимают решение вести себя определенным образом в определенных ситуациях [22, с. 281].

Основные идеи Р. Кларка и Д. Корниша можно свести к следующим положениям: преступления совершаются намеренно с

целью принести пользу правонарушителю; правонарушители стараются принять наилучшее решение в условиях риска и неопределенности; процесс принятия решения варьируется в зависимости от вида совершаемого преступления; решения о принятии участия в преступной деятельности (о становлении правонарушителем) принимаются иначе, чем решения о совершении преступления; решения о том, чтобы стать правонарушителем, принимаются в течение трех стадий – вовлечение (решение о готовности стать правонарушителем), привычка (решение о продолжении преступной «карьеры») и воздержание (решение об окончании преступной деятельности), причем на принятие соответствующих решений на каждой стадии воздействуют свои факторы, относящиеся к фону (особенности личности, воспитание, жизненная ситуация, образ жизни) и к ситуации (потребности, мотивы, возможности); решения о совершении преступлений (кого ограбить и когда) также принимаются в результате серии последовательных решений – о приготовлении, о выборе цели, о совершении самого действия, о сокрытии с места преступления, о последствиях [13].

С этой точки зрения преступление никогда не бывает бессмысленным, оно всегда преследует какую-то цель, приносит выгоду (материальную или нематериальную) правонарушителю. Причем эта выгода, а значит, и ее рациональное осмысление в той или иной степени присутствует всегда, даже при совершении преступления в состоянии психического расстройства. Правда, индивид не всегда в полной мере осознает все имеющиеся возможности, грозящие опасности, потенциальные последствия, да и не может их осознать вследствие недостатка информации. Результатом этого является принятие спонтанных или эмоциональных решений – вместо детального продумывания всех аспектов потенциального преступления, правонарушитель полагается на имеющийся опыт и импровизирует

ет в непредвиденной ситуации. Таким образом, в случае, когда время на принятие решения ограничено, отсутствует полная информация и не все ресурсы доступны, процесс принятия решения индивидом будет рациональным, хотя и ограниченно-рациональным. Интересно, что в процессе совершения преступления правонарушитель придает большее значение потенциальной награде, нежели обращает внимание на риски. Оценивая же риски, он склонен в большей мере опасаться того, что будет немедленно пойман, чем того, что в перспективе понесет наказание.

Каждое преступление имеет свой «сценарий» развития, в такой же степени «сценарий» имеет и преступная карьера в целом. На каждом поворотном этапе развития этого сценария индивид принимает то или иное решение под воздействием совокупности ситуационных факторов. Поскольку эти «сценарии» отличаются для каждого вида преступления, понять их можно, только изучая эти виды. Угонщики автомобилей очень отличаются друг от друга: одни – угоняют машины, чтобы покататься, другие – чтобы продать на запчасти, третьи – угоняют только элитные автомобили для перепродажи на черном рынке, четвертые – вымогают деньги у собственника за возврат автомобиля, пятые – хотят использовать угнанный автомобиль для совершения другого преступления. Каждый из этих преступников следует своему сценарию, в каждом случае и награда, и риски будут существенно отличаться, а значит, различными будут и подсчеты правонарушителей относительно выгоды или невыгоды совершения каждого конкретного преступления.

Значение теории рационального выбора заключается в том, что она заставляет криминологов обращать больше внимания на изучение отдельных видов преступлений и того, каким образом они совершаются, а не заниматься абстрактным изучением преступности. Идея же о том, что процесс

принятия решений ограничен, происходит в определенных пределах, отличает эту теорию от идей классической школы о неограниченной свободе выбора.

Теория рационального выбора довольно быстро стала подвергаться эмпирической проверке. Криминологи проводили исследования того, как совершаются кражи, в том числе с проникновением в жилище, вооруженные нападения, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Эти исследования подтвердили идею о том, что правонарушители действительно мыслят рационально, соизмеряют те блага, которые они могут получить от своего поведения, с теми опасностями, которые им грозят.

Теория стандартных действий появилась практически одновременно с теорией рационального выбора и опиралась на те же самые теоретические предпосылки. Первые основные положения данной теории были опубликованы в 1979 году в работе Коэна и Фельсона [см.: 14; 15], а впоследствии получили развитие в других их работах [17; 24]. Ученые ставили перед собой цель разработать теорию, наиболее понятную и полезную полицейским, которые ежедневно сталкиваются с задачей обнаружения преступников и предотвращения их преступлений. Во главу угла всех теоретических построений была поставлена идея о том, что преступление есть результат реализации появившейся возможности [12]. Поэтому если минимизировать возможности для совершения преступлений, то количество преступлений снизится.

Интересно, что наличие возможности совершить преступление рассматривается не просто как фактор, позволяющий определить, где и когда будет совершено преступление, а как сама причина преступления. Безусловно, влияние на уровень преступности внутренней предрасположенности индивидов к совершению преступлений, сформированной в результате действия совокупности социальных и биологиче-

ских факторов, не отрицается, однако наличие возможности, по мнению М. Фельсона и Р. Кларка, является ключевым моментом [16].

Существование возможности совершить преступление толкает не только на совершение традиционных имущественных преступлений, но и насильственных, хулиганских, связанных с оборотом наркотиков, хотя для каждого из видов преступлений возможности будут иметь свою специфику.

При этом вероятность совершения преступления повышается в том случае, если в одном месте в одно время сходятся потенциальный правонарушитель и подходящий объект, у которого нет надлежащей охраны. Причем авторы этой теории полагают, что потенциальным преступником может оказаться каждый из нас, поскольку жадность и эгоизм, присущие в той или иной степени каждому, являются достаточным объяснением склонности к преступному поведению. То есть в таком случае причины, которые привели данного индивида к решению совершить преступление (воспитание, среда, биологическая предрасположенность) не важны и остаются за скобками теории.

При этом поведение преступника не является бесконтрольным – за его спиной, как правило, стоит так называемый «укротитель» (handler) – человек, обладающий влиянием на правонарушителя. Таким «укротителем» может быть родитель, супруг, близкий родственник, учитель, коллега и т. д.

Подходящим объектом для преступных посягательств может быть как человек, так и неодушевленный объект, поскольку каждый из них способен удовлетворить ту или иную потребность индивида. Таким образом, в случае совершения кражи, например, телевизора, объектом является телевизор, а его собственник является не жертвой, а охранником, отсутствие которого дома и создало возможность для совершения преступления. Для того чтобы быть привлека-

тельным для преступника, материальный объект должен обладать следующими свойствами: субъективная ценность для правонарушителя, небольшие размеры (ноутбук, а не стационарный компьютер), заметное расположение (ценная вещь, лежащая на сиденье в машине), доступность (расположение вещи у выхода)

Охрана объекта в равной степени может осуществляться как человеком, так и с помощью каких-либо технических средств. При этом под охранником понимается не только полицейский или частный охранник в магазине, а практически любые люди или обстоятельства, которые способны помешать преступнику реализовать преступный замысел. Таким охранником может выступать сосед, коллега по работе, вахтер. Сам факт их присутствия в данном месте в данное время может наделить их этим качеством.

Что касается того места, в котором встречаются правонарушитель и его жертва, то у него тоже, как правило, есть менеджер – человек, который обязан контролировать поведение людей в этом месте (школьный учитель, водитель автобуса и т. д.).

Обычно представители теории стандартных действий визуализируют свои идеи с помощью двойного «треугольника преступления», на гранях которого находятся правонарушитель, жертва и место, а за ними, соответственно, «укротитель», охрана и менеджер, которых авторы называют также контролерами.

Таким образом, увеличение числа доступных объектов для кражи в каком-либо месте (например, в микрорайоне) при прежнем числе правонарушителей приведет к росту преступности, и это не будет связано с влиянием каких-либо социальных или биологических факторов. Мотивация преступников останется прежней, а вот возможности для совершения преступлений расширятся, что и приведет к росту преступности. Однажды даже подсчитали, что предсказать количество краж за год

можно, узнав, сколько весит самый маленький из проданных телевизоров – чем меньше он весит, тем большее количество раз он будет украден [16, с.5]. Данную теорию легко использовать, например, для предсказаний относительно изменения числа совершенных преступлений в период кризиса. Если предположить, что кризис повышает уровень безработицы, а безработица ведет к тому, что большее количество людей остаются дома днем, в то время, когда совершается значительное количество домашних краж, то число краж должно снизиться, а не увеличиться. Для того чтобы сказать, соответствует ли это предположение действительности, необходимо провести эмпирическое исследование, однако этот пример демонстрирует применение идей теории стандартных действий на практике.

Кроме того, эта теория дает понимание того, с какими проблемами наиболее часто приходится сталкиваться полиции и как эти проблемы могут быть решены, если воспользоваться схемой «треугольника преступления».

Первая проблема – это преступники-рецидивисты, которые совершают преступления в отношении различных объектов в разное время и в разных местах. Действия контролеров не оказывают существенного влияния на минимизацию этой проблемы, поскольку столкнувшись с невозможностью совершить преступление в определенном месте в отношении определенного объекта, преступник, скорее всего, переместится в другое место или направит усилия в отношении другого объекта. Корни проблемы лежат в отсутствии надлежащего взаимодействия между правонарушителем и его контролером.

Вторая проблема, с которой сталкивается полиция, – жертвы-рецидивисты, то есть люди или иные объекты, которые постоянно привлекают преступников. Охрана таких жертв, как правило, неэффективна. Менеджеры, контролирующие поведение людей в определенных местах, могут оградить

жертву от преступных посягательств, но при перемещении жертвы в другое место, она вновь станет привлекательной для преступников.

Наконец, третья проблема – это так называемые «горячие точки», или места, в которых постоянно соединяются различные преступники и различные жертвы, то есть те места, которые плохо управляются менеджерами. Несмотря на активные усилия «владельцев» и охранников, такое место будет само по себе провоцировать на совершение преступления [12].

Понимание этой схемы позволяет сотруднику полиции сосредоточиться не только на аресте правонарушителя, но и эффективно заниматься профилактикой, воздействуя на «укротителей», жертв, улучшая менеджмент в тех местах, которые наиболее часто становятся ареной преступных действий, будь то парки, бары, школы или автомобильные парковки.

Теория устойчивых моделей преступлений (crime pattern) объясняет, каким образом люди и другие объекты перемещаются в пространстве и времени, создавая возможности для совершения преступлений. Эта теория использует три основных термина: узловой пункт, тропа, граница. Узловые пункты – это места, в которых люди проводят основное время (живут, учатся, работают, отдыхают), то есть это пункты отправления и прибытия. В узловых пунктах или рядом с ними совершается значительное число преступлений. Тропы – это те пути, которые ведут из одного узлового пункта в другой. Каждый преступник будет искать возможности для совершения преступления вокруг своих узловых пунктов или на своих тропах. А границы отделяют узловые пункты от остального, «чужого» мира, поэтому на границах часто совершаются преступления в том случае, когда преступник и жертва не знакомы друг с другом, но вынужденно пересекаются в пространстве и времени. Исследования в данной области позволяют идентифицировать

«горячие точки» в пространстве и во времени, показывают, какие архитектурные или градостроительные изменения могут снизить уровень преступности.

Все три теории – рационального выбора, стандартных действий и устойчивых моделей основываются на идее о том, что наличие возможности совершить преступление провоцирует преступника на его совершение. Эти теории в одинаковой степени можно использовать для объяснения как имущественных, беловоротничковых, так и насильственных преступлений. Драки, причинение вреда здоровью являются вполне рациональными действиями, которые совершаются людьми, задумывающимися (хотя бы на долю секунды) о последствиях (позитивных и негативных) своего поведения и о наличии возможности для совершения какого-либо противоправного действия. Сексуальное насилие также может быть объяснено с использованием этих теорий, например, вероятность того, что сексуальное насилие к ребенку применит скорее тот, кто имеет постоянный доступ к ребенку, выполняя свои повседневные обязанности по отношению к нему (учитель, воспитатель, родитель), чем незнакомец. При этом акт насилия может быть совершен только в том случае, если на это есть время, а охранники (ранее мы указывали, что термин «охранник» понимается не буквально, а как лицо или техническое устройство, затрудняющие возможность для совершения преступления) отсутствуют.

Данные теории предлагают осуществлять профилактику преступлений с помощью изменения восприятия преступника относительно возможностей (в том числе соотношения между выгодой и потерями) совершения преступления. Ситуационная превенция преступлений – научное направление, возникшее под влиянием идей теорий рационального выбора и стандартных действий, определяемое его родоначальником как «совокупность мер, направленных на специфические формы преступного по-

ведения, включающих как можно более системное и постоянное управление, создание или манипулирование окружающей средой с целью снижения в восприятии преступников потенциальных возможностей для совершения преступлений и увеличения рисков их совершения» [11, с. 225]

Одно из самых известных исследований в области ситуационной превенции принадлежит О. Ньюману, который ввел понятие охраняемого пространства [23]. За этим термином скрывается целая совокупность реальных и символических механизмов, направленных на то, чтобы жители, населяющие это пространство, обладали над ним полным контролем и чувствовали себя на этой территории в безопасности. На основе идей О. Ньюмана была разработана целостная концепция предотвращения преступлений с помощью дизайна окружающей среды (*crime prevention through environmental design*), воплощение которой на практике не привело к каким-либо осязаемым результатам и тем самым скомпрометировало идею ситуационной превенции. Тем не менее теория продолжала развиваться, и к 2003 году было сформулировано 25 принципов ситуационного предупреждения преступлений, применение которых позволяло снизить уровень отдельных видов преступлений.

Несмотря на определенные успехи ситуационного предупреждения преступлений, в ряде случаев превентивные усилия приводили к противоположному эффекту – вместо снижения преступной активности наблюдалось ее увеличение [25]. Так, противозаконные и грубые действия полиции при задержании преступника, отсутствие процессуальных гарантий при рассмотрении его дела в суде могут привести к тому, что преступная активность правонарушителя усилится. Превенция одного вида преступлений в определенном месте может привести к увеличению числа других преступлений в этом месте или этого же преступления там, где превентивные програм-

мы не осуществлялись. Кроме того, преступники могут адаптироваться к новым условиям и находить новые возможности для совершения преступлений. Например, создание антивирусных программ провоцирует преступников на разработку новых вирусов, которые способны обойти существующую защиту. То есть один из основных упреков в адрес превентивных программ, основанных на неоклассических теориях, заключается в том, что они не искореняют преступность, а заставляют ее «переезжать» с места на место, искать новые объекты, менять время совершения преступлений, применять новые методы. Действительно, это происходит, когда выгода от совершения преступления превышает негативные последствия. Однако существует множество примеров, свидетельствующих о том, что превенция не заставила преступников «переезжать». Так, например, программы, направленные на улучшение освещения улиц в одном из регионов Британии, не привели к тому, что на соседних улицах стало совершаться больше преступлений [16, с. 13].

При этом превентивные программы могут оказывать более существенный эффект, чем изначально предполагалось: установка камеры на одной парковке снижает число угонов автомобилей также и с соседней, спутниковые сигнализации, установленные на дорогах автомобилях, снижают число угнанных машин даже в том случае, если на них не стоят эти сигнализации.

Развитие неоклассического направления, предложившего теоретические основы для разработки различных моделей превенции, безусловно, стало одним из наиболее значимых событий для практики предупреждения преступлений в конце XX века. Д. Гарланд в своей работе, посвященной анализу меняющихся практик контроля над преступностью, охарактеризовал эти теории как «новые криминологии повседневности» [18], очень серьезно изменившие развитие уголовной политики в ряде стран.

«Новые криминологии повседневности» оказались столь влиятельны, поскольку основывались на идее о том, что преступление является нормальным явлением, сопутствующим развитию современного общества, а для контроля преступности не нужно изучать особенности формирования преступных мотивов, обнаруживать патологии в формировании личности правонарушителей – достаточно просчитать, каким образом ликвидировать любую потенциальную возможность совершения преступления.

Основная критика постклассических теорий, помимо упоминавшейся выше, заключается в том, что применение их идей на практике может приводить к тотальному контролю над жизнью индивидов через практики повсеместного надзора за их повседневным функционированием. Такой контроль не только может приводить к нарушению прав и свобод человека, в частности, права на неприкосновенность частной жизни, но и ведет к снижению качества жизни, порождая психологический дискомфорт от ощущения постоянной «слежки», а также возлагая на граждан весьма существенное бремя материальных расходов на обеспечение собственной безопасности.

Криминологи отмечают, что в результате применения идей постклассического направления поменялись стиль и идеология работы правоохранительных органов. Задачей полиции стала не борьба с преступностью, а предоставление услуг населению по снижению страха перед преступностью и обеспечению безопасности. Пенитенциарные учреждения перестали претендовать на то, что они смогут достичь цели ресоциализации осужденных (хотя, безусловно, реабилитационные программы сохраняются); они лишь содержат преступников отдельно от общества. Уголовно-исполнительные инспекции отказались от стиля социальной работы и стали заниматься реализацией недорогих форм наказания, менеджментом риска и учетом потенциальных правонару-

шителей. Уголовная политика стала очень избирательной – теперь она нацелена на идентификацию «горячих точек» преступности, выявление профессиональных и особо опасных преступников, рецидивных жертв.

При осуществлении профилактики внимание стало уделяться не индивиду, а повседневному взаимодействию индивидов, дизайну окружающей обстановки, созданию механизмов контроля за поведением. Экономические соображения при формулировании задач, стоящих перед правоохранительными органами, вышли на первый план. Практические работники настаивают на более экономически эффективных и имеющих долгосрочные последствия программах (лечение потребителей наркотиков, превенция в рамках местных сообществ, образовательные программы в тюрьмах), хотя политики все еще отдают предпочтение популистским мерам (массовое тюремное заключение, война с наркотиками).

Новые способы противодействия преступности активно применяются на уровне местных сообществ, где внедряются такие программы, как общественная полиция (Community Policing), безопасные города (Safer Cities), превенция с помощью дизайна окружающей среды (Crime Prevention through Environmental Design), соседский надзор (Neighbourhood Watch). У этих программ свои цели – обеспечение безопасности граждан, снижение вреда и убытков, снижение страха перед преступностью. Эту новую стратегию противодействия преступности Д. Гарланд предлагает называть превентивным партнерством [18].

Превентивное партнерство вызывает появление целой инфраструктуры взаимодействия государственных и негосударственных органов, координации их работы по обеспечению общественной безопасности путем ликвидации возможностей для совершения преступлений и повышения бдительности граждан. Как в Великобритании,

так и в США значительно увеличилось взаимодействие жилищных, образовательных, социальных, транспортных учреждений с правоохранительными органами; появились совместные организации противодействия преступности, включающие представителей государственных органов и общественности. По мнению Д. Гарланда, новые превентивные практики стирают грань между публичным и частным, расширяют границы официально координируемого контроля над преступностью за институциональные границы государства. Старая тенденция монополизации контроля (осуществление контроля над преступностью специализированными государственными органами) сменяется попытками государства привлечь к этой деятельности все большее число местных сообществ, структур гражданского общества. Расширяется индустрия частной безопасности, которая изначально зародилась в тени государства, но все чаще признается государством как полноценный партнер в сфере производства безопасности и контроля над преступностью [5].

Сфера услуг, традиционно предоставляемых полицией, становится смешанным рынком. Теперь услуги на нем предоставляются как государственными, так и частными компаниями – повседневные функции обеспечения безопасности берут на себя частные охранные структуры, а коммерческие организации и граждане инвестируют средства в услуги, предоставляемые частными компаниями, специализирующимися на обеспечении безопасности.

Постепенно возникает представление о том, что сфера контроля над преступностью и исполнения наказания больше не является эксклюзивной обязанностью и зоной ответственности государства и государственных служащих. Государственные институты, созданные для контроля преступности (тюрьмы, уголовно-исполнительные инспекции, суды) видоизменяются и перенимают способы действия частных структур. Коммерческие интересы оказы-

вают влияние на развитие уголовной политики. Вследствие этого границы между частной и публичной сферами в области уголовной политики стираются. В одной из наших предыдущих работ [6] мы уже упоминали, что в современной политической теории и криминологии такой новый процесс управления (в том числе управления в сфере контроля над преступностью), использующий новые методы и подходы, получил наименование *governance* [26]. Основной отличительной чертой этого подхода является взгляд на управление как на процесс, исходящий не только от государства как воплощения суверенной власти, но являющийся результатом согласования воли и усилий различных факторов – государственных и частных. Основными методами управления становятся не принуждение (с помощью силы или авторитета нормы), а переговоры, выявление общих интересов, налаживание партнерских взаимоотношений. Объектом контроля становится не преступность, а вред, угрозы безопасно-

сти, что предопределяет новые методы реагирования. В современной криминологии все более распространенным становится использование термина *управление безопасностью* (*governance of security*), а не контроль преступности для описания стратегий уголовной политики [19; 21].

Итак, мы рассмотрели, каким образом шло развитие неоклассических идей (теории рационального выбора) в современной зарубежной криминологии, что послужило теоретическими предпосылками для их формирования, а также какие изменения теория рационального выбора (в широком смысле слова) повлекла в сложившихся практиках предупреждения преступности и как повлияла (наряду с другими факторами) на общий вектор развития уголовной политики в зарубежных странах. Актуальным направлением для исследований остается вопрос о том, каким образом данные теории могли быть интегрированы в отечественную науку и практику противодействия преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2004.
2. Криминология /Под ред. Дж. Ф. Шелли / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
3. Латов Ю. В. Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 228–270.
4. Рациональный выбор в политике и управлении / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 240 с.
5. Сморгунова А. Л. Стратегии контроля над преступностью в США и Великобритании: приватизация тюрем // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 9 (46).
6. Сморгунова А. Л. Трансформация уголовной политики в США и Великобритании (конец XX – XXI вв.) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 56.
7. Шверт Р. Теория рационального выбора: универсальные средства или экономический империализм? // Вопросы экономики. 1997. № 7. С. 37–46.
8. Becker G. *Crime and Punishment: An Economic Approach* // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2.
9. Bottoms A. Place, Space, crime, and disorder // The Oxford Handbook of Criminology / Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007.
10. Bouffard J., Wolf K. Rational Choice Theory: A Crime Related Perspective // Blackwell Encyclopedia of Sociology. Ed. by Ritzer G. 2007.
11. Clarke R. Situational crime prevention: Its theoretical basis and practical scope // Tonry M., Morris N. (eds) Crime and Justice: An Annual review of research. Vol. 4. Chicago: Chicago University Press. 1983.
12. Clarke R., Eck J. *Becoming a Problem-Solving Crime Analyst*. Jill Dando Institute of Crime Science. London: University College London. 2003. Retrieved at: http://www.jdi.ucl.ac.uk/publications/other_publications/55steps

13. *Cornish D., Clarke R.* Crime as a Rational Choice // *Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings)*. Edited by Francis Cullen, Robert Agnew. Los Angeles, California, 2003. P. 278–283.
14. *Cohen L., Felson M.* Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activities Approach // *American Sociological Review*. 1979. No. 44. P. 588–608.
15. *Cohen L., Felson M.* Routine Activity Theory // *Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings)*. Edited by Francis Cullen, Robert Agnew. Los Angeles, California, 2003. P. 284–294.
16. *Felson M., Clarke R.* Opportunity Makes the Thief. Practical Theory for Crime Prevention. Police Research Series. Paper 98. London, 1998.
17. *Felson M.* Crime and Everyday Life. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1998.
18. *Garland D.* The Culture of Control. London. 2001.
19. *Jones T.* The Governance of Security: Pluralization, Privatization, and Polarization in Crime Control // *The Oxford Handbook of Criminology* / Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007
20. *Lanier M., Henry S.* Essential Criminology. Boulder, Colorado: Westview Press. 1998.
21. *Loader I., Sparks R.* Contemporary Landscapes of Crime, Order and Control: Governance, Risk, and Globalization // *The Oxford Handbook of Criminology* / Ed. by Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007;
22. *Newburn T.* Criminology. Willan Publishing, 2007.
23. *Newman O.* Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design. New York: Collier, 1972.
24. Routine Activities. CrimeReduction. Home Office. Retrieved at: <http://www.crimereduction.homeoffice.gov.uk/learningzone/rat.htm>
25. Situational Crime Prevention. Successful Case Studies. / Ed. By Clarke R. Guilderland, NY: Harrow and Heston, 1997.
26. *The Sage Dictionary of Criminology*. Ed. By McLaughlin E., Muncie J. London: Sage Publications, 2006. P. 189.
27. *Tibbets S., Gibson C.* Individual Propensities and Rational Decision-Making: Recent Findings and Promising Approaches // *Rational Choice and Criminal behavior: Recent Research and Future Challenges* / Ed. By Piquero A., Tibbitts S. New York, NY, 2002.

REFERENCES

1. *Bekkaria Ch.* O prestuplenijah i nakazanijah. M.: INFRA-M, 2004.
2. *Kriminologija* /Pod red. Dzh. F. Shelli /per. s angl. SPb.: Piter, 2003. 864 s.
3. *Latov Ju. V.* Ekonomika prestuplenij i nakazanij: tridcatiletnij jubilej // *Istoki*. Vyp. 4. M.: GU-VSHJE, 2000. S. 228–270.
4. Racional'nyj vybor v politike i upravlenii / Pod red. L.V. Smorgunova. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1998. 240 s.
5. *Smorgunova A.L.* Strategii kontrolja nad prestupnost'ju v SSHA i Velikobritanii: privatizacija tjurem // *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena*. 2007. № 9 (46).
6. *Smorgunova A. L.* Transformacija ugovolnoj politiki v SShA i Velikobritanii (konec XX – XXI vv.)// *Izvestija RGPU im. A. I. Gercena*. 2008. № 56.
7. *Shveri R.* Teorija racional'nogo vybora: universal'nye sredstva ili ekonomicheskij imperializm? // *Voprosy ekonomiki*. 1997. №7. S. 37–46.
8. *Becker G.* Crime and Punishment: An Economic Approach // *Journal of Political Economy*. 1968. Vol. 76. № 2.
9. *Bottoms A.* Place, Space, crime, and disorder // *The Oxford Handbook of Criminology* / Ed. By Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007.
10. *Bouffard J., Wolf K.* Rational Choice Theory: A Crime Related Perspective // *Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Ed. By Ritzer G. 2007.
11. *Clarke R.* Situational crime prevention: Its theoretical basis and practical scope // *Tonry M., Morris N.* (eds) *Crime and Justice: An Annual review of research*. Vol. 4. Chicago: Chicago University Press. 1983.
12. *Clarke R., Eck J.* Becoming a Problem-Solving Crime Analyst. Jill Dando Institute of Crime Science. London: University College London. 2003. Retrieved at: http://www.jdi.ucl.ac.uk/publications/other_publications/55steps.
13. *Cornish D., Clarke R.* Crime as a Rational Choice // *Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings)*. Edited by Francis Cullen, Robert Agnew. Los Angeles, California, 2003. P. 278–283.

ПРАВО

14. *Cohen L., Felson M.* Social Change and Crime Rate Trends: A Routine Activities Approach // *American Sociological Review*. 1979. No. 44. P. 588-608.

15. *Cohen L., Felson M.* Routine Activity Theory // *Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings)*. Edited by Francis Cullen, Robert Agnew. Los Angeles, California, 2003. P. 284–294.

16. *Felson M., Clarke R.* Opportunity Makes the Thief. Practical Theory for Crime Prevention. Police Research Series. Paper 98. London, 1998.

17. *Felson M.* Crime and Everyday Life. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 1998.

18. *Garland D.* The Culture of Control. London. 2001.

19. *Jones T.* The Governance of Security: Pluralization, Privatization, and Polarization in Crime Control // *The Oxford Handbook of Criminology* / Ed. By Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007

20. *Lanier M., Henry S.* Essential Criminology. Boulder, Colorado: Westview Press, 1998.

21. *Loader I., Sparks R.* Contemporary Landscapes of Crime, Order and Control: Governance, Risk, and Globalization // *The Oxford Handbook of Criminology* / Ed. By Maguire M., Morgan R., Reiner R. Oxford University Press, 2007.

22. *Newburn T.* Criminology. Willan Publishing, 2007.

23. *Newman O.* Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design. New York: Collier, 1972.

24. Routine Activities. CrimeReduction. Home Office. Retrieved at: <http://www.crimereduction.homeoffice.gov.uk/learningzone/rat.htm>.

25. Situational Crime Prevention. Successful Case Studies. / Ed. By Clarke R. Guilderland, NY: Harrow and Heston, 1997.

26. The Sage Dictionary of Criminology. Ed. By McLaughlin E., Muncie J. London: Sage Publications, 2006. P. 189.

27. *Tibbets S., Gibson C.* Individual Propensities and Rational Decision-Making: Recent Findings and Promising Approaches // *Rational Choice and Criminal behavior: Recent Research and Future Challenges* / Ed. By Piquero A., Tibbitts S. New York, NY, 2002.